

Литературная критика XIX в.: эпоха Белинского

Материал к 200-летию со дня рождения В.Г. Белинского включает краткую справку о творчестве писателя в качестве литературного критика, фрагмент его статьи, а также воспоминания о нем Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. Особое внимание уделено архиву В.Г. Белинского, хранящемуся в Российской государственной библиотеке.

Виссарион Григорьевич Белинский
1811 — 1848

*В.Г. Белинский. Гравированный
портрет работы Астафьева.
1882 г.*

*(НИОР РГБ. Ф. 187 (Коллекция
изобразительных материалов).
Папка 48)*

Виссарион Григорьевич Белинский (30 мая (11 июня) 1811 — 26 мая (7 июня) 1848) — русский писатель, литературный критик, публицист, философ-западник. В.Г. Белинский перевел литературную критику из чисто эстетической плоскости в социальную. Он полагал, что критика должна выражать общественное мировоззрение, быть средством борьбы за него. Будучи последователем Гегеля, считал, что мир — «дыхание единой, вечной идеи», «жизнь — великий дар провидения. Назначение человека, народа и человечества — выявить идею божества, человеческое достоинство». Соответственно, задача литературы и искусства — находить в разнообразных явлениях жизни выражение «единой вечной идеи» и воспроизводить его, показывать красоту и сущность жизни.

Весной 1833 г. В.Г. Белинский начинает работать в журнале Н.И. Надеждина «Телескоп». В приложении к «Телескопу» — еженедельнике «Молва» — в 1834 г. появляется первая статья Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе», сразу принесящая славу молодому критику. В 1835 г. опубликована статья «О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»)». Русская литература обрела профессионального критика.

В 1839 г. Белинский переезжает в Петербург, где ведет в журнале «Отечественные записки» литературно-критический отдел, публикуя свои статьи и заметки почти в каждом номере. Начав со статьи «Русская литература в 1840 году», он ежегодно дает обзоры русской литературной жизни. В первой половине 1840-х гг. круг друзей Белинского пополняется новыми лицами: это П.В. Анненков и Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев и Д.В. Григорович. Критик радовался каждому молодому таланту, старался поддержать каждое новое дарование сочувственным и внимательным отзывом [4].

Далее публикуются фрагменты статьи и цитаты В.Г. Белинского, а также отрывки воспоминаний о нем Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева.

В.Г. Белинский

<О детских книгах>

<...>

Мы сказали, что живая, поэтическая фантазия есть необходимое условие, в числе других необходимых условий, для образования писателя для детей: чрез нее и посредством ее должен он действовать на детей. В детстве фантазия есть преобладающая способность и сила души, главный ее деятель и первый посредник между духом ребенка и вне его находящимся миром действительности. Дитя не требует диалектических выводов и доказательств, логической последовательности: ему нужны образы, краски и звуки. Дитя не любит отвлеченных идей: ему нужны истории, повести, сказки, рассказы, — и посмотрите, как сильно у детей стремление ко всему фантастическому, как жадно слушают они рассказы о мертвецах, привидениях, волшебствах. Что это доказывает? — потребность бесконечного, предощущение таинства жизни, начало чувства поэзии, которые находят для себя удовлетворение пока еще только в одном чрезвычайном, отличающемся неопределенностью идеи и яркостью красок. Чтобы говорить образами, надо быть если не поэтом, то по крайней мере рассказчиком и обладать фантазией живою, резвою и радужною. Чтобы говорить образами с детьми, надо знать детей, надо самому быть взрослым ребенком, не в пошлом значении этого слова, но родиться с характером младенчески-простодушным. <...> Такие писатели, подобно поэтам, рождаются, а не делаются...

Но резонерам крайне не нравятся подобные требования. В самом деле, кому приятно выслушивать свой смертный приговор, свое исключение из списка живущих? Вероятно, по этой же причине плохие стихотворцы терпеть не могут рассуждений о высших требованиях искусства: в них они видят свое уничтожение. Отнимите у резонера право пересыпать из пустого в порожнее моральными сентенциями, — что же ему останется делать на белом

свете? Ведь жизни, любви, одушевления, таланта не поднимешь с улицы, не купишь и за деньги, если природа отказала в них. А резонерствовать так легко: стоит только запастись бумагою, пером и чернилами да присесть — а оно уж полется само! <...> Какой бездушный и холодный человек не в состоянии вкось и вкривь рассуждать о любви, благочестии, благотворительности, самопожертвовании и о прочих священных чувствах, которых у него нет в душе? Жизнь, теплота, увлекательность и поэзия — суть свидетельства того, что человек говорит

от души, от убеждения, любви и веры, и они-то электрически сообщаются другой душе. Мертвенность, холодность и скука показывают, что человек

говорит о том, что у него в голове, а не в сердце, что не составляет лучшей части его жизни и чуждо его убеждению. Но повторяем — для некоторых людей рассуждать легче, чем чувствовать, и пресная вода резонерства, которой у них вдоволь, для них лучше и вкуснее шипучего нектара поэзии, которого — бедняки! — они и не пробовали никогда. И вот один хочет уверить детей, что вставать рано очень полез-

но, ибо-де один мальчик, имевший привычку вставать с солнцем, нашел на поле кошелек с деньгами;

а другой хочет уверить детей, что надо вставать поздно, ибо-де одна девочка, вставши рано, пошла гулять в сад, простудилась да и умерла. Один говорит детям — будьте поспешны, другой — не торопитесь, третий — будьте откровенны, ничего не скрывайте, четвертый — не всё говорите, что знаете. Кому верить, кому следовать?.. Забавнее же всего, что все эти глубокие мысли подтверж-

даются случайными примерами, ровно ничего не доказывающими. Нет, моральные сентенции не

только отвратительны и бесплодны сами по себе, но и портят даже прекрасные и полные жизни сочинения для детей, если вкрадываются в них! Вы рассказываете детям сказку или повесть: спрячьтесь за нее, чтоб вас было не видно, пусть все в ней говорит само за себя, непосредственным впечатлением. У вас есть нравственная мысль — прекрасно; не выговаривайте же ее детям, но дайте ее почувствовать, не делайте из нее вывода в конце вашего рассказа, но дайте им самим вывести: если рассказ им понравился, или они читают его с жадностью и наслаждением — вы сделали свое дело. <...> [1]

«Книга есть жизнь нашего времени. В ней все нуждаются — и старые, и молодые, и деловые, и ничего не делающие; дети также»

«Величайшее сокровище — хорошая библиотека»

«Литература есть сознание народа, цвет и плод его духовной жизни»

Виссарион Белинский?

Дневник писателя. 1873

<...>

Белинский был по преимуществу не рефлексивная личность, а именно беззаветно восторженная, всегда, во всю его жизнь. Первая повесть моя «Бедные люди» восхитила его (потом, почти год спустя, мы разошлись — от разнообразных причин, весьма, впрочем,

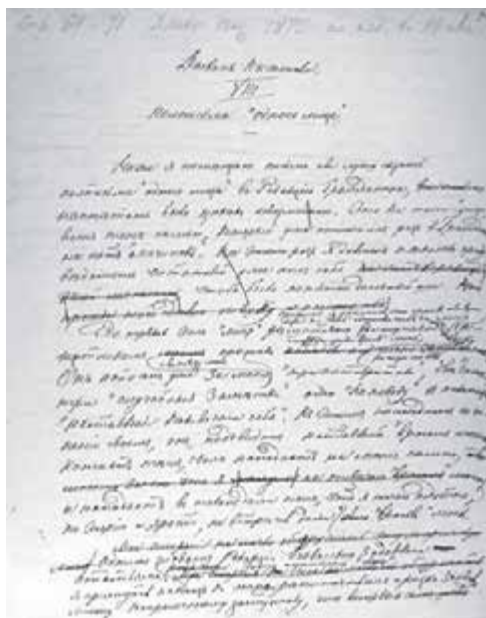
неважных во всех отношениях); но тогда, в первые дни знакомства, привязавшись ко мне всем сердцем, он тотчас же бросился с самою простодушною торопливостью обращаться ко мне в свою веру. Я несколько не преувеличиваю его горячего влечения ко мне, по крайней мере в первые месяцы знакомства. Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. В этом много для меня знаменательного, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшим образом проникаться идеей. ... Выше всего ценя разум, науку и реализм, он в то же время понимал глубже всех, что одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную «гармонию», в которой бы можно было ужить человека. Он знал, что основа всему — начала нравственные.

В новые нравственные основы социализма (который, однако, не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла) он верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг <...>

— Да знаете ли вы, — взвизгивал он раз вечером (он иногда как-то взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне, — знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел...

В этот вечер мы были не одни, присутствовал один из друзей Белинского, которого он весьма уважал и во многом слушался; был тоже один молоденький, начинающий литератор, заслуживший потом известность в литературе.

— Мне даже умирительно смотреть на него, — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, — каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек, — набросился он опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался

Ф.М. Достоевский [«Дневник писателя» за 1873 г.]. Наброски VIII главы: «Полписьма одного лица». Автограф черновой. 4 л. Пометы карандашом А.Г. Достоевской (НИОР РГБ. Ф. 93/1 (Достоевский Ф.М.). К. 2. Ед. хр. 9/1)

бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества <...>

Этот всеблаженный человек, обладавший таким удивительным спокойствием совести, иногда, впрочем, очень грустил; но грусть эта была особого рода, — не от сомнений, не от разочарований, о нет, — а вот почему не сегодня, почему не завтра? Это был самый торопившийся человек в целой России. Раз я встретил его часа в три пополудни у Знаменской церкви. Он сказал мне, что выходил гулять и идет домой.

— Я сюда часто захожу взглянуть, как идет постройка (вокзала Николаевской железной дороги, тогда еще строившейся). Хоть тем сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога. Вы не поверите, как эта мысль облегчает мне иногда сердце.

Это было горячо и хорошо сказано; Белинский никогда не рисовался. Мы пошли вместе. Он, помню, сказал мне дорожкою:

— А вот как зарокуют в могилу (он знал, что у него чахотка), тогда только спохватятся и узнают, кого потеряли. <...> [2]

И.С. Тургенев

Воспоминания о Белинском

<...>

Белинский был, что у нас редко, действительно страстный и действительно искренний человек, способный к увлечению беззаветному, но исключительно преданный правде, раздражительный, но не самолюбивый, умевший любить и ненавидеть бескорыстно. Люди, которые, судя о нем наобум, приходили в негодование от его «наглости», возмущались его «грубостью», писали на него доносы, распространяли про него клеветы, — эти люди, вероятно, удивились бы, если б узнали, что у этого циника душа была целомудренная до стыдливости, мягкая до нежности, честная до рыцарства; что вел он жизнь чуть не монашескую, что вино не касалось его губ. В этом последнем отношении он не походил на тогдашних москвичей. Невозможно себе представить, до какой степени Белинский был правдив с другими и с самим собою; он чувствовал, действовал, существовал только в силу того, что он признавал за истину, в силу своих принципов. Приведу один пример. Вскоре после моего знакомства с ним его снова начали тревожить те вопросы, которые, не получив разрешения или получив разрешение одностороннее, не дают покоя человеку, особенно в молодости: философические вопросы о значении жизни, об отношениях людей друг к другу и к божеству, о происхождении мира, о бессмертии души и т. п. Не будучи знаком ни с одним из иностранных языков (он даже по-французски читал с великим трудом) и не находя в русских книгах ничего, что могло бы удовлетворить его пытли-

И.С. Тургенев. Фотопортрет с автографом.

Москва. 1880 г.

(НИОР РГБ. Ф. 306 (Тургенев И.С.).

К. 3. Ед. хр. 38).

вость, Белинский поневоле должен был прибегать к разговорам с друзьями, к продолжительным толкам, суждениям и расспросам; и он отдавался им со всем лихорадочным жаром своей жаждавшей правды души <...>

Итак, когда я познакомился с Белинским, его мучили сомнения. Эту фразу я часто слышал и сам употреблял не однажды; но в действительности и вполне она применялась к одному Белинскому. Сомнения его именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его; он не позволял себе забыться и не знал усталости; он денно и ночью бился над разрешением вопросов, которые сам задавал себе. Бывало, как только я приду к нему, он, исхудалый, больной (с ним сделалось тогда воспаление в легких и чуть не унесло его в могилу), тотчас встанет с дивана и едва слышным голосом, беспрестанно кашляя, с пульсом, бившим сто раз в минуту, с неровным румянцем на щеках, начнет прерванную накануне беседу. Искренность его действовала на меня, его огонь сообщался и мне, важность предмета меня увлекала; но, поговорив часа два, три, я ослабевал, легкомыслие молодости брало свое, мне хотелось отдохнуть, я думал о прогулке, об обеде, сама жена Белинского умоляла и мужа и меня хотя немножко погодить,

хотя на время прервать эти прения, напоминала ему предписание врача... но с Белинским сладить было нелегко. «Мы не решили еще вопроса о существовании бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а вы хотите есть!..»

<...>

Белинский, бесспорно, обладал главными качествами великого критика; и если в деле науки, знания ему приходилось заимствовать от товарищей, принимать их слова на веру — в деле критики ему не у кого было спрашиваться; напротив, другие слушались его; почин оставался постоянно за ним. Эстетическое чутье было в нем почти непогрешительно; взгляд его проникал глубоко и никогда не становился туманным. Белинский не обманывался внешностью, обстановкой — не подчинялся никаким влияниям и веяниям; он сразу узнавал прекрасное и безобразное, истинное и ложное и с беспрепятственной смелостью высказывал свой приговор — высказывал его вполне, без урезок, горячо и сильно, со всей стремительной уверенностью убеждения. Кто бывал свидетелем критических ошибок, в которые впадали даже замечательные умы (стоит вспомнить хотя Пушкина, который в «Марфе Посаднице» г-на Погодина видел «что-то шекспировское»!), — тот не мог не почувствовать уважения перед метким суждением, верным вкусом и *инстинктом* Белинского, перед его умением «читать между строками». Не говорю уже о статьях, в которых он отводил подобающее им место прежним деятелям нашей словесности; не говорю также и о тех статьях, которыми определялось значение писателей еще живых, подводился итог их деятельности, итог принятый и скрепленный, как уже сказано выше, потомством;* но при появлении нового дарования, нового романа, стихотворения, повести — никто, ни прежде Белинского, ни лучше его, не произносил правильной оценки, настоящего, решающего слова. Лермонтов, Гоголь, Гончаров — не он ли первый указал на них, разъяснил их значение? И сколько других! Без невольного удивления перед критической диагностикой Белинского нельзя прочесть, между прочим, ту небольшую выноску, сделанную им в одном из своих годовых обзоров, в которой он, по одной песне о купце Калашникове, появившейся без подписи в «Литературной газете», предрекал великую будущность автора. <...>

Другое замечательное качество Белинского как критика было его понимание того, что именно стоит на очереди, что требует немедленного разрешения, в чем сказывается «злоба дня». <...> [3]

Список источников

1. Белинский В.Г. О детских книгах // Собр. соч.: в 9 т. — М.: Худож. лит., 1978. — Т. 3. — С. 38—77.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 // Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1980. — Т. 21. — С. 5—136.
3. Тургенев И.С. Воспоминания о Белинском // Полн. собр. соч.: в 30 т. — М.: Наука, 1983. — Т. 11. — С. 21—56.
4. <http://cpsy.ru/cit1102.htm>, http://www.hrono.ru/libris/lib_d/dost_starlyu.html

* См. статьи его о Марлинском, Баратынском, Загоскине и т. д.